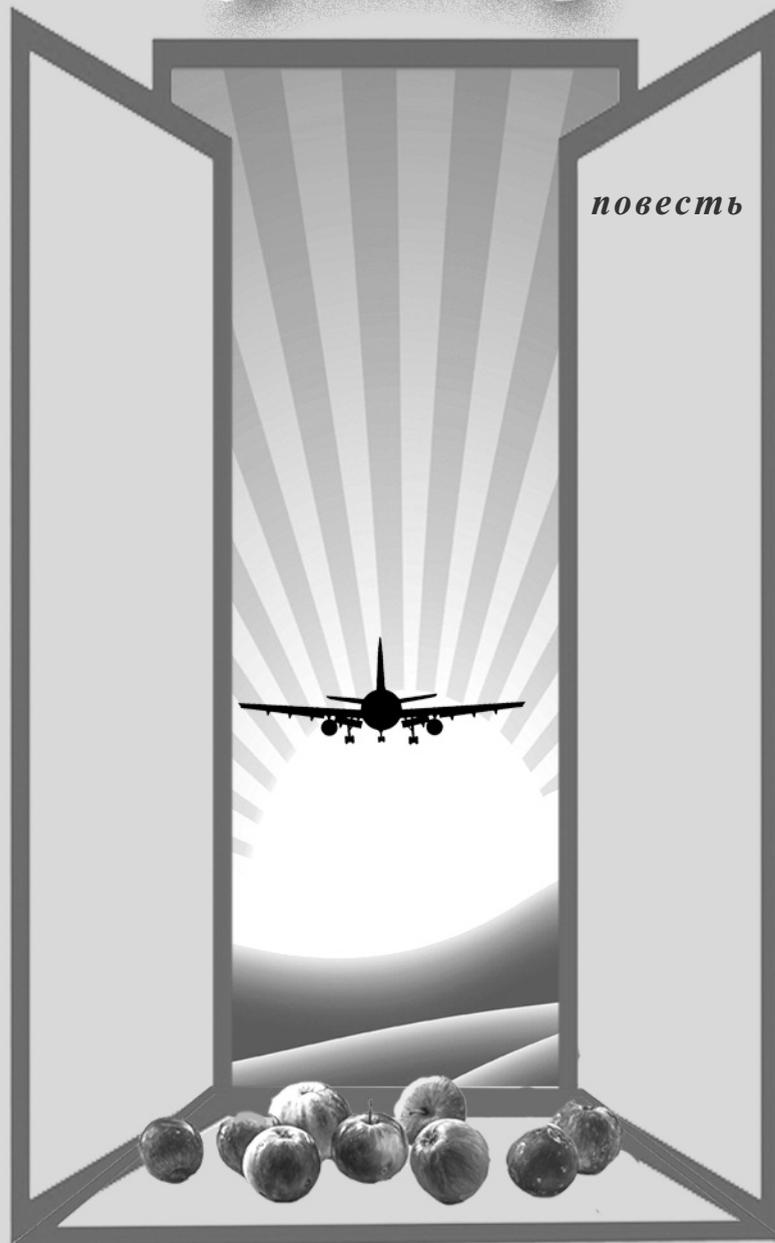

Юрий
МЕЩЕРЯКОВ

г. Тамбов

Красные яблоки

повесть

1

Мокрое предрассветное шоссе стремительно бежало навстречу, укладывалось под колёса видавшего виды «Ситроена» — такси. Мимо проскальзывали пустынные обочины, ирригационные каналы, оливковые рощи с пожелтевшими листьями, предместья с однотипными домами песчаных оттенков. Сквозь утреннюю мглу доносилось щебетание птиц, чей день начался намного раньше. В приоткрытое окно «Ситроена» бонусом водителю и его гостю врвалась освежающая прохлада.

Ночной рейс «Аэрофлота» прибыл из Москвы в Хайфу по расписанию. Удобно, можно сразу же, не расслабляясь, приступить к делам, не тянуть время в отеле, ожидая приёма у главного врача клиники или у директора. Перетокин приехал работать, а не открывать заново Палестину, да и лишних денег на прозябание в отеле или на осмотр местных достопримечательностей у него не было. Их ещё надо было заработать. Лишь ненадолго земля обетованная отвлекла его от мыслей о карьере. Сначала — контракт!

Перетокин делал рассылки в клиники Германии, Швейцарии, Израиля... У него опыт, практика, а это самое ценное, что есть у хирурга. Более того, опыт — бесценен. Нужно уметь подать себя, шанс есть у всех. В медицине даже знание языка, на котором предстоит общаться, и то на втором-третьем плане. Ну а в латыни, особенно по части терминологии и крылатых выражений императоров, он с самими римлянами поспорил бы. *Vini. Vidi. Vici.* Он уверен, что это про него: пришёл, увидел, победил. Честолюбие, когда тебе за сорок, зашкаливает, уже пора чего-то добиться в профессии, в жизни. Его шанс был высок. И всё же в Германии и Швейцарии попросили знание немецкого языка. Может, там и другие причины были?

«Деньги? А что — деньги? — Перетокин мысленно перешёл к главному, что иногда смущало. — Кто сказал, что иметь большие

деньги неприлично, унинительно? Труд должен быть оплачен. Труд хирурга (!) тем более должен быть оплачен. Человек ценит своё здоровье, он готов благодарить того, кто ему поможет. Я могу. Как это внушительно звучит! «Я могу!» Пожалуй, Бог не всё может, до него не достучишься. А тут заплатил — и достучался. Есть в этом естественный отбор, так что старик Дарвин в чём-то и прав, как бы его ни гнобили добродетельные христиане...»

Говорили, приезжать не обязательно: расходы и прочее. Достаточно досье. Лукавили: получится как с той же Германией, стоит только понадеяться, что дело сделано. Нет, личный контакт, обаяние иногда имеют решающее значение. Обаяние — это и есть его, Перетокина, конёк. Проверено! В основном, конечно, на женщинах, и всё же он знал, что разные там флюиды лучше, чем сухие письма. Чисто русский подход, и он Перетокина ещё не подводил, хоть и в Израиле, читай на Западе, он никогда прежде не был.

Мысль невольно скользнула во вчерашний день. Богодухов... Эта жуткая привычка держаться родных пенатов. Дескать, где родился — там и пригодился. Провинция она и есть провинция, откуда, как из камышей, можно наблюдать широкий синий простор, искрящуюся волну, белых кричащих чаек, скользящих крылом и легко взмывающих ввысь. «Вот разбогатей основательно — вернусь, построю в Богодухове свою клинику...» — думал Перетокин.

Мечта в его воображении схлопнулась, как мыльный пузырь, и снова вернула его на шоссе в Хайфу.

2

Мария Ивановна умела терпеть боль, она была из тех русских женщин, которые и в горящую избу войдут, и коня на скаку оставят, — был бы в этом хотя бы какой прок. А что сама при этом могла бы пострадать, так на всё божья воля. На самом деле о Боге она не думала. Но как же ей поступить по-другому, если вдруг окажется, что в эту треклятую избу войти больше некому, а там гибнет кто-то?

Ведь сердце кровью изойдёт. Ну а конь... Коней сейчас не густо.

Бог как оправдание появлялся позже, ближе к утру, когда в полусне-полудрёме надо было объяснить себе, как же всё это с ней происходит. Спасла кого? Ну и ладно, ну и хорошо, что спасла. Мужика пьяного? Так ведь тоже человек. Замерзал один такой ночью на автобусной остановке на лавочке. Так ведь не ушла, пока «скорая» не приехала. Другой раз рядом с её домом машина в дерево врезалась, выбежала из дома водителя спасать, лежал тот грудью на руле, сигнализатор что труба иерихонская. Вытащила, оказалось, только сопатку разбил, а вот машина его модная серебристая сгорела через двадцать минут — пожарные не успели приехать.

И надо же, далеко на седьмом десятке с Марией Ивановной самой неловкость приключилась: болит в левом боку и болит. Поджелудочная, что ли? Или что похуже? Думать об этом не хотелось: надумаешь — накличешь себе беду. А ведь жила, о светлом будущем мечтала, как и все в молодости, и вот к концу жизни, к концу непутёвого двадцатого века это будущее подступило к ней в виде букета болезней, пачки рецептов в кармане домашнего халата и низкой пенсии в придачу. Нет, старость её не пугала. Как бывший учитель математики Мария Ивановна точно знала, что и сложение, и вычитание в итоге дадут сумму. Сложение лет и вычитание здоровья могут дать только старость, всё логично, всё справедливо, и где-то там маячит неотвратимый конец пути.

Если уж кого она и боялась, так это докторов — много они знают. Скажут правду — страшно станет, лучше б молчали, а если соврут не по злобе, а так, не разобравшись, хоть на край света беги. У них анамнез какой-то, а тут бок болит. Да и слишком деньги они любить стали — больше, чем людей. Может, именно это и пугало её больше всего.

Визит свой к докторам Мария Ивановна оттягивала как могла, пока боль совсем стала невыносимой и непроходящей. Чуть наклонилась — режет под рёбрами как ножом. Вот и денег собрала в свой старенький дерматиновый кошелек. Ну что, можно идти.

— Помилуй мя, Господи! — перекрестилась

она на образа и двинулась в осеннюю сырость.
— Спаси и сохрани!

Небольшая палата в хирургическом отделении, куда её поместили, была на удивление чистой, опрятной — что не отнять, то не отнять — только скучной какой-то, даже радиоточку во время последнего ремонта убрали. Что там слушать? Новости? Только настроение портить. Опять кто-то обанкротился, кому-то зарплату полгода не платят, а тут ещё террористы автобус взорвали. Сволочи они и есть сволочи, аж зло берёт от их подлости. А у больных должно быть хорошее настроение, чтобы никакого зла, никаких переживаний, чтобы иммунитет повышался, так что обойдутся и без радио. Первый день Мария Ивановна лежала одна, о жизни думала. Тоскливо, даже поговорить не с кем, хотя, если думать о жизни, может, и не нужен никто. После обеда наконец-то пришёл лечащий врач.

— Что там у меня, сынок?

— Как у всех... ну, почти как у всех — грыжа. Будем оперировать, — пообещал доктор.

— А без операции никак?

— Здравсьте! «Само рассосётся»! — врач чуть улыбнулся. — Да не бойтесь вы. Фигня это всё, раз-два — и нет грыжи.

— Ты бы, сынок, мне поподробнее... — спросила Мария Ивановна.

— Да что там подробнее! Делаем анестезию — вы отключаетесь, а через час анестезиолог возвращает вас обратно. Вы просыпаетесь как новенькая, и грыжи вашей как не бывало. Как-то так.

— И всё, что ли?

— Вроде того.

— А верить-то тебе можно? — Мария Ивановна сомневалась.

— Ещё никого не подводил, у любого спросите, — врач пожал плечами. — Да это простейшая операция, интернам доверяют.

— Кому-кому?..

— Ну, начинающим хирургам.

— А-а, понятно, — немного подумав, Мария Ивановна добавила: — Не надо интернов.

— Да про интернов — это я так, к слову, — заверил доктор.

— Так меня-то кто резать будет?

— Я и буду. Меня зовут Анатолий Викторович. — Врач порозовел лицом от смущения и непривычки именоваться по отчеству, потому что и сам был только-только из интернов. — Меня тут все знают.

Его тут действительно знали все, только звали его в коридорах больницы Толя Счастливым, и это необычное имя давало ему право владеть открытой улыбкой, поднимать настроение коллегам, обещать больным, что всё будет хорошо. Пациенты — они же как дети. На них действует любой ободряющий взгляд, и они верили его улыбке ещё до того, как узнавали, какой он врач. Да, это мотивирует. Как же не оправдать надежд? Не так давно, год назад, он прооперировал мальчика — аппендицит удалил. Операция не весть что, но его пациент, этот мальчик, при послеоперационном обходе вдруг по-взрослому заявил: «Спасибо, доктор. Вы спасли мне жизнь, я тоже хочу спасти людей. Хочу стать, как вы, доктором». Взгляд у мальчишки был серьёзный и, несмотря на его возраст — четырнадцать лет, было ощущение, что готов сделать свой выбор.

Однако, несмотря на искреннюю любовь пациентов, на популярность молодого хирурга, которая была скорее следствием популизма, Радимец, его начальник, серьёзную работу ему не доверял, кстате. Всё из-за той привычной Толиной улыбки — легкомысленной какой-то. Недорос, вот пусть аппендициты и удаляет, это его уровень, или грыжу, которая в плане операций стоит. Ну а если рассудительно — придёт и его время, наберётся практики, а там... Там видно будет.

Вот и Мария Ивановна с её сентиментальностью попала под обаяние Толи Счастливого, который годился ей во внуки. О, эта смена поколений! Как смена эпох. Когда себе самому верить можно ли? Но этот молодой доктор хотя бы не врёт — не научился ещё, стесняется своего высокого звания. Но руки-то не дрожат, крепкие, сильные — это она заметила. Может, и вправду хирург хороший. Пожалеть бы его, поддержать: уж больно молодой. Да нельзя. Он должен быть уверенным в себе без всяких сочувствий со стороны. Это как не-

зависимость: когда ты сам — сила и понимаешь, что сила в тебе. И всё же Марии Ивановне надо было задать ему неловкий, совсем не медицинский вопрос.

— Доктор, — коротко вздохнув и перейдя на шёпот, обратилась Мария Ивановна, — а сколько надо заплатить?

— За что?

— Ну как... за всё... за операцию...

— Это не ко мне, — лечащий врач, то есть Толя Счастливым, опять чуть улыбнулся, на этот раз растерянно, помялся и, поднявшись, направился к другим больным.

«Молодой... Как есть, обиделся, — подумала Мария Ивановна. — Деньги-то всё равно надо отдать... Может, незаметно в карман положить? Если незаметно, как он узнает от кого?» Эти мысли занимали Марию Ивановну целый день, так что радиоточка для развлечений ей не требовалась.

Ближе к вечеру зашла медицинская сестра измерить температуру, давление, заодно объяснить новой больной кое-какие медицинские правила.

— Так, температура у вас нормальная. Давление... Давление немного повышенное, не страшно. Завтра ещё раз проверим. Вечером не ужинать, сходить в туалет. Не получится — сделаем клизму, — добавила она строго.

Мария Ивановна слушала наставления невнимательно, её мучил всё тот же вопрос.

— Сестра, мне у вас спросить надо, — она замялась, — как мне доктору деньги передать за операцию? И сколько? А то я в первый раз, не знаю.

— И правильно, что спрашиваете. Пяти тысяч хирургу будет достаточно, и отдельно тысячу — анестезиологу.

— Когда отдавать? Сейчас?

— Нет, ни в коем случае. Когда вас завтра повезут в операционную, положите деньги под угол матраца. — Встретив удивлённый взгляд пациентки, продолжила: — А как вы себе представляете? На вас же только простыня будет.

— А деньги не пропадут? Я же буду потом под наркозом.

— Вы что? Как они пропадут, здесь честные люди работают. Деньги так и будут лежать на месте, пока операция не закончится.

Вот когда анестезиолог вернёт вас обратно, тогда и расчёт. А до этого никто к ним и не прикоснётся.

Скрипнула дверь, впуслав в палату эхо пустого больничного коридора и полноватую немолодую санитарку. Лицо у неё было одутловатое, усталое, или, сказать по-другому, недружелюбное, она не поздоровалась, даже не подняла глаз от пола. Медсестра сразу же замолчала и, прикусив губу, быстро вышла из палаты.

— Убежала паразитка! — заворчала санитарка. — Небось, жаловалась, какая ответственная у неё работа. Или про деньги спрашивала?

— Нет, ничего такого, — попыталась сгладить ситуацию Мария Ивановна.

— Знаем мы их, думают, они тут главные. Я, чай, не первый год за страдальцами хожу, знаю, что почём: кому что принести, из-под кого что отнести, да вот за порядком приглядываю. Порядок он во всём должен быть.

Шаркая тапками, стуча шваброй по ножкам кроватей, по табуретам, как это делают все санитарки, санитарка тёрла и без того чистые полы. Запахло хлоркой.

— У меня тут из форточки дует. Можно её совсем закрыть? — попросила Мария Ивановна.

— Вот кому деньги даёте — те пусть и закрывают, а я вот полы мою. — Санитарка на мгновение подняла глаза на больную и снова уткнулась ими в мокрый пол, продолжая бубнить себе под нос что-то в том же духе. Ещё пару раз махнув шваброй, она вздохнула и, переваливаясь, как гусыня, пошла к двери.

— Ладно, попробую сама.

Забравшись коленями на широкий подоконник, Мария Ивановна протянула руку к форточке, в которую с порывами ветра заглядывал октябрь, но тут же ощутила острую боль в верхней части брюшины, опёрлась ладонями о холодное стекло и непроизвольно всхлипнула, едва не заплакав. «За что же они так со мной? Мне тяжело. Я же лечиться пришла...»

На другой день у Марии Ивановны появилась соседка. Её почти внесли под руки двое молодых парней в белых халатах — наверное,

санитары. Сама женщина передвигалась с трудом, а может, и не могла вовсе, настолько безвольно повисла её левая рука, когда соседку уложили на больничную койку.

— Как звать-то тебя, сердешная? — позвала её Мария Ивановна.

— Галей меня зовут, — выдохнула та.

Больная была худа до какого-то предела, до отречения, и застиранная серая сорочка, в которую её обрядили в приёмном покое, только подчёркивала её угловатую, нескладную фигуру.

— О-ох, — она простонала, запрокидывая лицо с открытыми глазами, — зачем всё?

— Что с тобой, Галечка?

— Да кто ж знает? — она попыталась улыбнуться. — Устала я.

3

— Иван Михайлович, я не буду делать эту операцию...

— Ну-ну, коллега! Не так категорично, — попросил Радимец.

— А как? Зарезать пациента? Это у вас полный набор летальных исходов на все случаи жизни... хм... то есть смерти, — Перетокин мрачно скривил лицо. — У меня же пока ещё чистая биография, без пятен.

— Ага, стерильная. Это временно, коллега, временно, всё пройдёт, и это пройдёт. Нашёл, чем гордиться, и вообще, не о том думаешь.

Начальник хирургического отделения Иван Михайлович Радимец, человек с большим опытом, проработавший со скальпелем в руках более сорока лет, много чего повидал за эти годы. Через многие испытания прошёл и смотрел на жизнь как на процесс, который рано или поздно закончится. Можно только оттянуть эту кончину. А спасти? Это духовная инстанция, это — к Богу. А Господь, он ведь не сообщает, какой у него план на очередного бедолагу, лежащего на операционном столе. Может быть, поэтому Радимец брался за безнадежные случаи, когда другие коллеги в смущении отступали. Особенно он был убедителен после ста граммов спирта, которые ему

ввиду особого уважения иногда выделяла начальник аптеки. Каким-то образом Радимец всегда умел доносить своё видение этого процесса до начальников, и те, глядя на его жилистые руки, соглашались, а ведь могли бы просто уволить. Или не могли?.. Даже последний заскорузлый чиновник понимал: случись что с ним самим — кто его начальственное тело резать и штопать будет, кто не даст душе осиротеть, кто рискнёт в тяжёлую минуту?

— Итак, что мы имеем? Язва желудка в запущенном состоянии, подозреваем, прободная. Организм пациентки сильно изношен. Иммунитет крайне ослаблен. Интереснейший экземпляр! — непроизвольно воскликнул Радимец, подбадривая и себя, и ведущего хирурга больницы Перетокина, для которого этот экземпляр был скорее ужасающим. — А, что скажешь? *Per aspera ad astra*. Тот самый случай... через тернии к звёздам.

По правде говоря, старый хирург понимал, что он сам эту операцию выполнить не сможет — не потянет, не осилит. Помимо точного диагноза, помимо большого опыта и профессионального чутья, нужна была точная, считай, филигранная и при том многочасовая работа в операционном поле — там, где всё решает скальпель. И он знал, кто это сделает. Нужно только, чтобы этот человек поверил в результат.

— А кто пациентка? — спохватившись, спросил Перетокин.

— Кто-кто... Есть разница? Таких, как она, по стране... эх... — Радимец прервал себя, неопределённо взмахнул рукой. — Техничка она из дома культуры, если интересно. Одни приходят туда смотреть боевики и семечки лузгать, другие убирают за этими кретинами мусор и делают наш мир чище. Так что считай, она главный эколог. Ну, а её диагноз — это вызов для хирурга, для его честолюбия, если угодно.

— Она же как-то довела себя до такого состояния. У неё органы на УЗИ не просматриваются, они деформированы... в общем, дистрофия, — Перетокин пытался сгустить краски, заранее предвидя исход и обвиняя в нём саму пациентку.

— Ну, довела... можно и так сказать, дефицит веса налицо. Думаю, она просто долго голодала, — на этом слове Радимец ненадолго умолк. — Сначала её надо откормить чуток. Дня три... А там, глядишь, и разберёмся.

— Что там разбираться?! — вспыхнул Перетокин. — Я вам точно говорю: вскроем полость, а там всё посыплется! И сердце! Сердце слабое, вряд ли выдержит!

— Пётр Алексеевич, у тебя что, мандраж? Ты же профессионал, я тебя не узнаю. — Лукавая улыбка красовалась на лице Радимца. — Соберём консилиум, обсудим, а пока — наблюдение, капельница и питание. Работаем, коллеги, работаем.

Горизонт, открывавшийся вдаль, был неопределимо красив, он плыл в потоках дрожащего воздуха, а там, где по линии гор прошёл дождь, светился, дышал пронзительной глубинной чистотой. «Как прекрасен этот мир», — мягко звучало в голове, губы трогала улыбка. Да, как прекрасен этот мир... Ребёнок-первоклассник у школьной доски старательно выводил: $2 + 2 = 4$, а в приоткрытую дверь класса врвался ветер, листовая ученические тетради, классный журнал. Закрывать дверь не получалось, и оглянувшись, чтобы позвать на помощь, учительница математики Мария Ивановна увидела, что первоклассник уже стал студентом, а вся доска исписана алгебраическими формулами, значение которых она не знала... Придя вечером домой, она открыла свой старый почти пустой холодильник «Тамбов», там стояли две бутылки густого пахучего подсолнечного масла. Поставила туда же к ним ещё две, что купила по талонам в соседнем магазине, и невольно подумала: $2 + 2 = 4$. Ответ правильный. Она успокоилась, и её губы снова тронула улыбка... За окном во дворе что-то ярко вспыхнуло, потом ещё раз, ещё, — она приоткрыла шторы и увидела, как вечерний жёлто-розовый горизонт затягивают свинцовые тучи, из которых по двору, по склонам далёких гор бьют ветвистые, ослепительные молнии так, что вздрагивает и небесный окоём, и пол в квартире.

Мария Ивановна пришла в себя от того, что её били по щекам, сильно били, так что голова моталась слева-направо и обратно. Наконец она медленно приподняла веки, мутный взгляд выхватывал из пелены нечёткие белые очертания людей. Очертания становились чётче, свет операционных ламп резал глаза. Из ниоткуда вернулся хлористый больничный запах.

— Что... со мной?.. — выговорила отрывисто.

— Всё, она вернулась! — воскликнула анестезиолог. — Мария Ивановна, вы меня слышите?

— Да... Я... слышу.

— Вам сделали операцию, всё хорошо. — И, уже обращаясь к хирургу и операционной сестре, анестезиолог, демонстративно отряхивая руки, добавила: — Коллеги, моя работа окончена, дальше — без меня.

— Мария Ивановна, операция прошла успешно, — подтвердил хирург Толя Счастливый, — без осложнений. Вас отвезут в палату, вам надо восстановиться, выспаться. В вестибюле вас ждёт дочь, приехала из Москвы. Знаете, что она приехала? нет?

— Да... Теперь знаю... Хорошо... Спасибо... вам... Анатолий... Викторович.

Молодой хирург смутился от неожиданной благодарности. Но заметил про себя: если после операции пациент помнит его имя-отчество, значит, с больным всё в порядке.

В коридоре к каталке, на которой вывезли Марию Ивановну, быстро подошла дочь Елена.

— Мама, мамуля, как ты? Что с тобой стряслось-то?

— Доча! Ты приехала, — Мария Ивановна вяло улыбалась и была счастлива, что в час её возвращения из чёрных миров рядом оказалась родная душа.

— Да здесь я, здесь. Где же мне быть? Как позвонили, так и приехала.

— Посмотри, не забыла медсестра деньги забрать, я их под матрац положила.

Медсестра, толкавшая каталку, снисходительно улыбнулась:

— Не переживайте, всё в порядке, у нас никто ничего не забывает.

В палате стояли Галины дети с опущенными головами. Они были напуганы. Завтра у их матери операция — завтра они могут остаться сиротами, и это слово никак не уживалось с их подростковой заносчивостью, отторгалось самой мыслью о завтрашнем дне. Сирота — это вроде как брошенный, убогий, которого надо жалеть... Ага, или пинать — заступиться-то некому.

«Дети городской окраины», как иногда насмешливо называли их соседи, настороженно оглядывали белые стены, больничную палату, в которой не было ничего лишнего, даже пучка сухих цветов, что связывало бы её с внешним миром, с той золотой осенью, что буйствовала сейчас за окном. Мария Ивановна осторожно, исподволь рассматривала ребят со стороны: небрежно одетые, взлохмаченные, но чистые — как-то сразу отметила она, хотя обломанные ногти никуда не спрячешь.

Галина говорила через силу:

— Что я могла для вас сделать — сделала. Вы у меня взрослые. Почти. Данька, сестру в обиду не давай, тебе уже шестнадцать, большой стал. И ты, Аня, будь построже, за собой следи, да и за оболтусом этим, чтоб хоть кашу какую ел. Документы — всё, что касается вас, квартиры, — в шкафу найдёте, в обувной коробке. Аня, если что, у тёти Веры, соседки, спросишь — она поможет... — Это было завещание матери, и дети почувствовали это. Глаза женщины повлажнели от слёз. — Эх, непутёвая я у вас мать... — вырвалось у неё.

Данька — обычный пацан с обычным криминальным будущим, волчонок, который с молоком матери усвоил, что выживет только сильный. И если есть в его лесу нагулявшие жирок бараны и овцы, то у него уже подросли молодые клыки. И вот — мать умирает. Она ещё не успела ему сказать, что жирных баранов стерегут сытые сильные волкодавы — так устроен мир: всё поделено, всё расписано и всё имеет свою цену. Как же волчонок будет без матери-волчицы? Щенку ещё надо выжить. Впервые Данька смотрел в глаза матери как взрослый, и оказалось, что она совсем не волчица, а простая техничка из дома культуры. Обыкновенная женщина с виноватыми

глазами, и, если что она делала добросовестно день за днём, так это прикрывала своим худым телом детёнышей от опасностей этого мира. Дальше детям надо будет стремительно взрослеть, но даже простейшая вещь — оплатить коммуналку — им пока не по силам. Они не знают, где та касса, куда нести деньги, а двухкомнатная хрущёвка в подъезде с вечно хлопающей дверью без присмотра хозяйки быстро станет заброшенным логовом. А ведь хочется пожить красиво — так, чтобы пальмы над головой, яхта у причала, как на том календаре, что висит дома над кроватью, пышные мулатки в бикини...

— Мама! Не умирай! Мы с сестрой о тебе заботиться будем. — Глаза Даньки брызнули искрами, похожими на слёзы. Не нужны ему никакие пальмы — ему нужна мать!

Малые дети не знают, что такое смерть, они её не боятся. Молодые думают, что знают, и даже хотят проверить, есть ли она: в их возрасте не верят на слово. И они рискуют — рискуют потерять близких, не попросившись с ними, не попросив прощения. Молодые не верят смерти, потому что смерть — это далеко, это не с ними, а с кем-то другим. И только взрослые люди знают, что смерть неизбежна, она близко: оттого документы они держат в одном месте, уходя из дома, всё приводят в порядок, следят, чтобы не копилось долгов. А пожилые смотрят в стареющее зеркало с надеждой, что оно врёт, и, когда созваниваются с друзьями, кладут трубку с мыслью: а вдруг в последний раз?.. Но, когда приходит время класть цветы на свежий холм земли, больше всего за тех, кто ничего не знал о смерти и, значит, не мог спастись.

Галя, вымученная болезнью, попыталась улыбнуться.

— Хорошие вы мои...

На большее сил не хватило. Чтобы соврать, тоже силы нужны, и поэтому обманные слова, что она обязательно поправится, что они заживут по-другому, так и не слетели с её губ. Она не верила в то, что всё будет хорошо. В Галиных глазах отражалась боль, с которой она сжилась за последние недели, в складках морщин — сожаление, что она теперь ничем не сможет помочь своим детям. Она мысленно

просила у них прощение. Дочь опустилась на колени рядом с кроватью, положила голову на одеяло, ощущая неминуемость утраты, глаза ее блестели от слез. Сын всё так же стоял рядом, тиская в руках кепку.

Помявшись ещё некоторое время посреди больничной палаты, не зная, что сказать, что сделать для матери, дети, неловко оглядываясь, ушли.

Мария Ивановна в это время лежала, отвернувшись к стене. Она всё слышала и ощущала тяжёлую атмосферу, наполнившую палату.

— Галь, — наконец она повернулась к соседке, — а ты что, помирать собралась?

— Нет, не собралась, только, видно, придётся... — призналась соседка. — Хорошо хоть не дома...

— Если ты себя так настроишь — пиши пропало. Сама будешь виновата. Так же нельзя! Дети у тебя! Пропадут ведь, — пыталась вразумить Галю Мария Ивановна.

— Богу с неба видней.

— Родственники у тебя есть? Галина, есть кому о тебе похлопотать?

— Нет у меня родственников. Никому я не нужна.

— Вот дура-то! Да детям ты нужна! — воскликнула Мария Ивановна.

— Это да, а так что хлопотать? Денег у меня всё равно нет, да и не было никогда. А кто без денег возиться со мной будет? Всё одно к одному, и дорога у меня одна осталась. Последняя.

— При чём здесь деньги?

— Как же, сама рассказывала, как тебя вчера резали, как деньги давала... — напомнила Галина.

Марии Ивановне стало стыдно за деньги — пусть даже это благодарность. Бог всё видит, так все делают. Стыдно ей стало и за свою неловкую болтовню на радостях, когда её привезли в палату. Вот же язык-помело! А ведь поддержать хотела Галю-то, мол, вот как операции проходят, верить надо.

— Ты когда последний раз кашу с маслом ела? — от нечего сказать зачастила словами Мария Ивановна. — Не вспомнишь, поди. А

здесь дают, и котлетки паровые тоже дают, и витамины три раза в день... Это чтобы ты сил набралась, окрепла...

— И на том спасибо, — Галина тихо прошептала как будто сама себе и добавила: — а потом всё равно зарежут.

4

Вечером, когда все плановые операции были завершены, в ординаторской на консилиум собрались хирурги отделения.

— Что ж, коллеги, — начал Радимец, — завтра у нас чрезвычайная операция. Дальше тянуть нельзя, большой риск. У пациента возможно прободение язвы, и не одной, дальше — сепсис. Какие мнения?

Он посмотрел на Перетокина и Счастливого, те пожали плечами, не торопясь высказываться. Действительно, мнений может быть только два: либо оперировать, либо нет. *Tertium non datur*, третьего не дано. Да только не делать операцию они не могли: клятва Гиппократата, конечно, не юридическая норма, но всё же обязывала.

— Ну, раз так, обсудим план операции. Оперируем втроем под руководством Петра Алексеевича, а мы с тобой, Толя, — ассистенты...

— Так вы, Иван Михайлович, предпочитаете остаться в тени чужой славы, — Перетокин явно иронизировал.

— Нам надо избежать летального исхода, — сухо возразил Радимец, — а славу... да, всю славу заберёшь себе. Толя Счастливый, ты не возражаешь?

— Что уж там, мой голос — последний. Все фанфары — гению хирургии Петру Алексеевичу!

— И смеяться будем, и шампанское выпьем, сами знаете когда. Не хочу читать вам лекции по психологии, но нам предстоит тяжёлая многочасовая работа. Надо собраться. Как ни банально, будем спасать.

Радимец, пожилой человек от слова «пожил», своих профессиональных вершин уже достиг и начал медленный спуск. Были и ошибки, без них никак, они уберегли от цинизма. Скольких спас — одному Богу известно.

– Иван Михайлович, а спасать – это призвание? – Толя Счастливым улыбался, но как-то странно, одними губами, глаза его оставались серьезными.

– Спасать – это тяжёлый труд. Я как-то прочитал у Булгакова рассказ «Полотенце с петухом». Да, вот это и есть труд, толково изложил Михаил Афанасьевич. И вы все почитайте. Полезно будет. Призвание... Страх остановиться – вот и всё призвание. Пока режешь да штопаешь – бережешь шанс известно какой, – на жизнь. Одно неловкое движение – шанс разбился, как хрустальный сосуд. Ну так что? Будем бить сосуды? – Радимец обвел взглядом коллег.

– Иван Михайлович, а вы мне доверяете? – спросил Толя.

– Тебе? – Радимец уставился на молодого коллегу, как будто видел впервые. Не к месту представил, что именно Толя Счастливый в своё время сменит его на посту начальника отделения.

– ...Тебе – доверяю, – твёрдо сказал Радимец, – вот и покажешь, не ошибся ли я.

Кто-нибудь задумывался в юности, что делать, когда окончишь школу?.. Ну, чтобы так, по-настоящему?.. Ответ вроде бы на поверхности, все соображают, сосредоточенно морщат лбы: надо же о чём-то думать, если время пришло. Но, как показывает жизнь, обычно думают за чадом родители. Вот и Толины родители вырастили, как думали, лоботряса. Что теперь с ним делать, если, кроме Любки Сверчковой, одноклассницы, он ни о ком и ни о чём и слышать не хочет? А Любка та ещё вертихвостка, глазастенькая, но ведь школу прекрасно окончила, чуть-чуть до золотой медали не добрала. Эта Люба поступала на медицинский, да только что дальше станет с ней – пока большой вопрос. А Толя Счастливый за ней пошёл, но сразу сказал, что будет хирургом, и это круче, чем терапевт, на которого собралась учиться его пасыня. Хирург – он ведь как разведчик, идёт за линию жизни, как за линию фронта, или наоборот. Он должен доказать, что может, что он сильный, да и вообще классный парень. А Сверчок никуда не денется от него! А вышло с ней иначе. После третьего курса Люба ушла из

института из-за профнепригодности. Крови, что ли, боялась?.. Но это можно было бы и раньше узнать... Друзья Толе передали: у Любы появился воздыхатель – пилот гражданской авиации. Вот попробуй такого переплюнь! Обиделся Толя. А кто бы не обиделся? Он ведь за Любу всё на кон поставил – саму судьбу – в хирурги пошёл. А она!.. Да кто этих девчонок поймёт? Ладно, Толя решил, он тоже станет пилотом в своём медицинском деле – покажет ещё, что такое высший пилотаж, а она, понятное дело, пожалует, что выбрала не того парня...

Ту фразу Радимца «тебе – доверяю!» странным образом Перетокин принял на свой счёт, только с обратным смыслом – как будто в ней был скрыт упрёк лично ему. У Перетокина были золотые руки мастера, и никто из знавших его не посчитал бы эту метафору пустой. За его спиной были сотни успешно проведённых операций, а с ними премии, почёт, слава. Но премии были невелики, почёт ограничивался кругом жителей города Богодухова и окрестностей, а слава – двумя публикациями в международных медицинских журналах.

Перетокин вёл собственный учёт проведённых операций (конечно, кроме малозначительных), он отмечал их особенности, осложнения, риски – всё то, что называется форс-мажором. Именно они дают рядовому хирургу имя и рост в профессии, если всё заканчивается благополучно, а для самого Перетокина, ведущего специалиста, – они создали большую базу для научных исследований. Перетокин называл свои записи журналом учёта «крестников», где самые «дорогие крестники» были записаны с номерами домашних и служебных телефонов. С ними он поддерживал связь, звонил иногда: «Как самочувствие? Старые шрамы затянулись, не беспокоят?..» Перетокин точно знал, что те пациенты обязаны ему как минимум здоровьем и благополучием, а некоторые – жизнью, – именно жизнью безо всяких условностей. Такие связи не бывают лишними. Те же бывшие пациенты звонили ему для консультаций, хотя могли бы позвать участкового терапевта. Связи – они как дорога с двусторонним движением.

Консилиум по операции Галины закончился. Определились с тактикой, но самое главное: Радимец заявил, что всю ответственность возьмёт на себя, если исход будет летальным. Толя Счастливый по-юношески протестовал: ответственность надо делить поровну. Перетокин деловито рассматривал затёртый серый линолеум на полу, потирал длинные пальцы с ровными ногтями и молчал.

Выйдя из ординаторской, Толя Счастливый едва не столкнулся с Марией Ивановной, которая, как ему показалось, прислушивалась у приоткрытой двери.

— Вы что здесь? Вам лежать ещё надо.

— Нет-нет, Анатолий Викторович, чувствую себя очень даже хорошо, легко. Ничто не давит. Могу даже наклоняться.

— Ну-ну, ни в коем случае, швы могут разойтись! Я же вам говорил, — он даже вздохнул с упрёком.

— Нет, что вы, это я к слову, я за собой слежу. А у меня гостинец для вас, — Мария Ивановна достала из-за спины большое, величинной с крепкий кулак жигулёвское яблоко и вручила его врачу. — Вот! Своё, из сада. Дочь, когда ко мне приезжала, на два дня задержалась, на даче побывала и привезла.

— Вот уж гостинец так гостинец, — Толя Счастливый искренне удивился и, позабыв о строгости, хотел было приобнять Марию Ивановну, но одернул себя: она всё же его подопечная.

— Мне спросить надо, — она оглянулась, как будто кто мог подслушать её тайну, и громким шёпотом продолжила: — про Галю, про соседку мою. Помирать собралась, говорит, зарежут.

— Да что вы такое сочиняете! — воскликнул Толя с досадой, как будто его поймали на неблагоприятном поступке, взял под локоть свою пациентку. — Так, давайте... давайте в палату!

— Вы втроем оперировать будете? — не унималась Мария Ивановна.

— Завтра!.. Всё завтра будет понятно. Вытащим мы её, не сомневайтесь.

Мария Ивановна зашла в свою палату, а молодой хирург Толя Счастливый остановился посреди коридора, провёл рукой по глазам,

подумал: «Господи, что я делаю? Обещаю сам не зная что. Бог весть что случится завтра. В храм сходить надо».

— Пётр Алексеевич, задержись! — когда, кроме Перетокина, рядом никого не осталось, Радимец продолжил: — Какие у тебя дела с Израилем? Что, жена тащит на свою историческую родину?

— Вы уже знаете? Думал позже сказать, когда всё решено будет. Ну, чтобы не сглазить...

— Чтобы не сглазить? Да, это по-русски. Нет, отговаривать не буду ни в коем случае. Карьера для карьериста — дело святое.

Перетокин чуть вздрогнул от неожиданности и даже покраснел.

— Что не так? Я же правду сказал, — продолжил Радимец. — Мне вот искать нового хирурга после твоего ухода. Такого уровня, как ты, не найду. Это не лесть. А мне на пенсию давно пора. И у меня, как у обычного человека, как у обывателя богодуховского, возникает вопрос: а кто русских людей лечить будет?

— Ну да, всё внимание исключительно к моей персоне. Кроме меня лечить некому? — пытался съязвить Перетокин.

— И то правда, найдутся лекари или... как там?.. «лепилы», которые диплом в переходе метро купили. У тебя-то советское образование, не то что нынешнее коммерческое... Эх... Ладно, ты не обращай на меня внимания, брюзжу я по-стариковски, что мне ещё остаётся? Так что там у тебя?

— Да вот месяц назад я получил приглашение из Израиля. Клиника Харасса между Хайфой и Тель-Авивом, большой спектр медицинских услуг и моя любимая кардиохирургия. Коллеги заинтересовались одной моей статьёй о новом методе сосудистых операций. Согласитесь, израильская клиника — это не уровень нашей городской больницы. Каждый из нас мечтает о профессиональном росте. Вот съездил туда присмотреться...

Лукавил Петр Алексеевич. Он сам давно интересовался специализированной клиникой в Хайфе, забросал её письмами с предложениями, статьями из наших газет и журналов. Но, пока не нашёл он в Москве толкача, пока не

состоялась эта статья в журнале американской медицинской ассоциации, а потом перепечатка в «Lancet», дело с места сдвинуть не удавалось. Была у Перетокина лет десять назад, ещё до Богодухова, крайне сложная операция с летальным исходом. Торопился, пренебрёг пациентом, не тех кровей показался, а когда эта кровь брызнула, ни он, ни операционная сестра остановить её не смогли. Зашаталась тогда карьера Перетокина, как стул колченогий. Много коньяку он перетаскал главврачу, да и не только коньяку, чтобы из его личного дела, из его послужного списка вымарали эту неприглядную страницу.

— Для этого отпуск по собственному брал? — спросил Радимец. — И как там?

— Сразу и не расскажешь. Если сравнивать с нами, — Перетокин помялся, — земля и небо. Просторно, светло... Операционное, реанимационное оборудование в полном комплекте — возможно, лучшее в мире. Зависть кольнула, было дело. И главврач клиники был любезен, принял сразу, ждать не пришлось. Доктор Шварц... — и Перетокин в общих чертах стал рассказывать о встрече в Израиле.

Доктор Шварц говорил с лёгким местным акцентом, хотя Перетокину казалось, что акцент всё же одесский:

— Господин Перетокин, Петр Алексеевич! Рады вашему визиту. Быстро вы, однако.

— Как получил ваше письмо — так сразу и решил. Оригиналы документов об образовании, рекомендации у меня с собой.

— И от профессора Покровского?

— Да-да. Одно время он был моим наставником.

— Вакансия освобождается через месяц. Есть время. Давайте ваше резюме. Так, на чём специализируетесь? — Шварц начал листать бумаги.

— Широкий профиль, — отвечал Перетокин. — Сердце, сосуды, внутренние органы, травмы... В общем, городская больница. Приходится заниматься всем.

— Ага. — Шварц смотрел с интересом. — Скорая помощь?

— Начинал именно на «скорой». С тех пор ничему не удивляюсь.

— А вот у вас запись. Были в командировке в военном госпитале.

— Да, было время, военных врачей катастрофически не хватало. Так что занимался и левой хирургией.

— У нас другая методика. И клиентура другая. И деньги платят. И военно-полевой подход нас не устроит, — прицепился к той записи Шварц.

— Ни в коем случае! — спохватился Перетокин. — Я знаю: деликатность, профессионализм...

Шварц рассмеялся.

— Это где вас научили деликатности?

— Оперировал большого московского полковника с огнестрельным. Тот был очень благодарен... Но в Москву не взял.

— Не сдержал слово? — усмехнулся Шварц.

— Не совсем так. Иначе дело было. Он организовал для меня стажировку в Ленинграде, — рассказывал Перетокин. — В военно-медицинской академии. Туда все рвутся... ну, вы знаете, Мекка медицинская. Я там был рабочим муравьём, а потом вернулся к родному очагу, в Богодухов.

— Ладно, с профилем определимся. Видел ваши публикации в медицинских журналах. Составьте список проведённых операций. Были летальные исходы?

Перетокин напрягся и солгал:

— Нет.

— То есть нет такого опыта? — Шварц как будто удивился.

— В каком смысле?

— Лучше в начале карьеры испытать отрицательный результат... стресс... чем на взлёте, чтобы не стать сбитым лётчиком. Понимаете, преодолеть профессиональную психотравму...

Перетокин устремил взгляд в пол, подумав о чистке своего личного дела: «Ничего, не помещает. Это на словах у них красиво, глубоко-мысленно. А что евреи держат в голове и как — это ещё вопрос...»

— Вот вы покинете Россию, — продолжал Шварц, — покинете родину... Как адаптируетесь? Это ведь тоже станет психотравмой. Тут даже климат другой. Ну а люди... евреи... такие, как я... Вы случаем не ксенофоб?

— Да нет, что вы! — Перетокин смутился.

— И хорошо, — кивнул Шварц. — Национальность клиента не имеет значения. Есть клиент — значит, есть работа. Впрочем, что я объясняю? Азбука. Нам приходилось членов королевской семьи Саудовской Аравии лечить. Ну и что, что они арабы? Работа есть работа.

— А сами саудиты? Как они решились обратиться сюда? — Перетокин был заинтересован.

— У нас одна из лучших клиник, этим всё сказано, — с гордостью заметил Шварц.

Радимец внимательно выслушал Перетокина. Конечно, тот кое о чем и умолчал, но общая картина была обрисована.

— Вот и прекрасно! — заключил главврач. — Пока израильские коллеги не изобрели робота-хирурга, делаем операции руками. И не обращаем внимания, что наш пациент не из королевской семьи. Считайте, что у вас госэкзамен в медицинской академии. Ставка в данном случае — вакансия хирурга в израильской клинике. Или другая метафора: дембельский аккорд — есть у военных такое испытание.

— Я уже понял, что мне не отвертеться, — признался Перетокин. — Но этот ваш пресинг... это как-то непорядочно.

— Что-о?! Непорядочно медицину превращать в рынок, непорядочно торговать здоровьем людей. — Радимец знал, что перегибает, но с пафосом его монолог звучал более убедительно.

— Современная медицина — вещь всё же дорогостоящая, — заметил Перетокин. —

— И это каким-то удивительным образом согласуется с твоим бесплатным образованием! — напомнил Радимец. — Конечно, твой талант диагноста, интуиция... Да ладно, Петя, — вдруг изменил тон. — Что я тут перед тобой гоголем выхаживаю? Беги, пока есть куда бежать... беги к своим евреям. Карты в руки!

— К каким евреям? — даже возмутился Перетокин. — Там земляки — половина хирургов наши, ещё советской школы.

— А-а, — в сердцах махнул рукой Иван Михайлович, — это те, что раньше сбежали!

— Я на любой аккорд готов... Но это — другое... Берёшь марлю, а она в руках расплзается... — пытался объясниться Перетокин.

— А ты возьми эту марлю и шей! Клеточку за клеточкой. — Радимец смотрел в глаза младшему коллеге. — Знаешь, что такое обретение силы? Это когда делаешь невозможное. И после тебе уже ничего не страшно. Давай, Петя, действуй. Всё у тебя получится. А дальше езжай в свой Израиль, и ветер тебе в паруса!

5

Галя обречённо готовилась к операции с плохим исходом — на другое и надеяться не могла. Не скрывала она, что умереть не боится. Если уж что страшило, как и многих русских людей, — так это оставить после себя непоплаченные долги, которые лягут на плечи наследников. И всё же Галя вела себя мужественно — ни одной плаксивой ноты в голосе, ни одной просьбы...

Галин настрой никак не давал Марии Ивановне покоя, и она пыталась болтовней отвлечь соседку по палате от дурных предчувствий.

— Знаешь, у меня зюльда есть, тоже Галя, а мы её по-родственному Галей-хохлушкой зовём, — бодро рассказывала Мария Ивановна. — Так вот она щи-борщи готовит — пальчики оближешь, а уж голосистая!.. Из всей родни одна такая. А знаешь, какая у неё любимая песня?..

— Хм, уже догадалась. «Неси, Галя, воду...» — Соседка по палате сделала попытку улыбнуться.

— «...Коромысло гнётся, а за ней Иванко як барвинок вьётся», — негромко пропела Мария Ивановна.

— Красиво, — ответила Галя.

— Интересно, как они там?

— Кто? — не поняла Галина.

— Ну, хохлы.

— А-а! Так, как все... Работают, тянут лямку... Как иначе? На хлеб с маслом зарабатывают. Рабочий человек, где ни возьми, рабочий и есть. — Уж Галя знала настоящий вкус жизни.

— Странно всё, — покачала головой Мария Ивановна. — Жили себе и жили в одной большой стране, друг к другу в гости ходили, и

вдруг – чужие, неродные совсем. Ну разве так бывает?

Кто-то скажет: риторический вопрос. А для Марии Ивановны, которая мыслями и душой была готова обнять весь мир, но редко докапывалась до сути вещей, это был вопрос, который всё же требовал ответа. Почему мир так несправедлив? Почему те, кто выстраивает заборы и границы, торжествуют, а тот, кто соединяет, кто строит мосты, должен оправдываться? Где правда?

– Господь с ними. Может, им повезёт больше, – сказала Галина.

– Куда уж больше? Они всегда богаче жили. А богатство иной раз глаза застит, – Мария Ивановна настаивала на своём.

– Так и есть, от добра добра не ищут, – Галя тяжело вздохнула, пряча свои дурные предчувствия поглубже.

– Ищут, ещё как ищут, да мало кто находит, – не отставала с разговорами Мария Ивановна.

Но Галина на этот раз промолчала. Казалось, в той повисшей тишине их недосказанные мысли, рвущиеся наружу, стали бы слышны, если б не поскрипывание пружин на старых больничных кроватях.

– А мы что, другие, что ли? – снова всполошилась Мария Ивановна. – Вот у меня дочь в Москве батрачит, на жизнь зарабатывает. От хорошей жизни, что ли, в столицу подалась? То-то и оно. Сын – на Камчатке подводником, мичман. Вон куда занесло! У них там корабли на металлолом режут, глядишь, безработным станет, домой вернётся. Уж и не знаю, что лучше.

– Ну, а ты сама чем занимаешься? – наконец отозвалась Галя.

– Да что я?.. От пенсии до пенсии мыкаюсь. Мне бы вот капусту на зиму заквасить.

– Успеешь ещё, а я своё отквасила... – безнадёжность слышалась в Галином голосе.

Санитарка, как обычно, шмыгала шваброй, вздыхала, осматривалась, нужно ли что ещё прибрать или не надо.

– Милая, подойди, – поманила её Мария Ивановна.

– Что надо-то?

– Ты подойди.

Санитарка приблизилась, чуть наклонила голову.

– На вот, возьми, – Мария Ивановна оттянула карман её застиранного халата и сунула в него смятую купюру в пятьдесят рублей. – Ты нет-нет да и зайди к нам, одеяло у Гали поправь, утку лишний раз подай. Она сейчас на операции. Уже несколько часов над ней там колдуют, боязно за неё. Коль жива останется, помоги ей, не развалишься. За ней ходить-то некому.

Санитарка выпятила нижнюю губу, собираясь ответить, как она всегда привыкла, однако Мария Ивановна её опередила.

– ...И кусочек другой раз повкуснее положи Галине. – Женщина достала из-под подушки ещё одну купюру и тоже сунула в карман халата санитарки. – Я-то сама выписываюсь сегодня.

Уходящий октябрь дарил последнюю в этом году волну бабьего лета. Низкое солнце весело заглядывало в больничную палату, отбрасывало на стену дрожащие тени полуобнажённых деревьев. Галя не обращала внимания на игру теней, она лежала с открытыми глазами, ощущая, как медленно уходит боль, и не совсем понимая, что с ней теперь и что будет дальше. Снова приходили дети, плакали, просили прощения. Она их гладила по макушкам и не знала, за что прощать. Ещё вчера планов на будущее у неё не было, совсем не было.

– А говорила, родственников нет, – бодро воскликнула медицинская сестра, с шумом прикрывая за собой дверь и внося в палату лёгкий запах туалетной воды. – Вон тебе яблоки принесли, целую сетку, красные, душистые.

– Наверно, ошиблись палатой, – смущённо ответила Галя. – Мне же нельзя.

– Кто ошибся? У нас тут никто не ошибается. У нас полный порядок. А раз тебе нельзя, так отдай кому, а то и до выписки долежат. Тут вот и записка из приёмного покоя. Сама смотри. «Гале из 219-й палаты».

– Да, выходит, мне, – она с удивлением взяла в руки записку, повертела, пытаясь понять, от кого она.

На обратной стороне листка, вырванного из ученической тетрадки, дрожащим почерком было выведено несколько слов: «Галечка, родная, поправляйся! Всё будет хорошо». Подписи не было.

Несколько раз она бралась перечитывать эту безымянную коротенькую записку, словно заучивая её наизусть. И каждый раз – вот же глупость! – к глазам подступали слёзы. Никогда в жизни Галя не чувствовала от окружающих столько любви и не понимала, что случилось, за что... И вот эти красные яблоки, неосторожно рассыпавшиеся по подоконнику. Ей подарили яблоки, такого ещё не было, ей вообще никогда ничего не дарили. Разве что в далёком детстве... Теперь уже и не вспомнить.

ном-класса уютно расположился врач высокой квалификации Пётр Алексеевич Переткин, он покидал Родину в полной уверенности, что со своими бедами она справится и без него. Неловкие чувства блудного сына его не смущали. «Per aspera ad astra», – кажется, так говорил Радимец. По губам будущего доктора медицины плыла улыбка победителя.

6

В последний день ноября «Боинг-737» из Браильской авиакомпании «Эль-Аль» оторвался от взлётно-посадочной полосы аэропорта «Шереметьево» и взял курс на юг, на Хайфу. Под крыльями рейсового джета, удаляясь, темнели предзимние леса Подмосковья, с неба из седых облачных волокон накрапывал затяжной дождь. В салоне эконо-

Юрий Альбертович МЕЩЕРЯКОВ

родился в 1962 году.

Окончил Омское высшее общевойсковое училище.

*Автор романов «Панджшер навсегда», «Меморандум Платова»,
сборника повестей и рассказов «Время мужчин».*

Публиковался в журналах «Москва», «Молодая гвардия» и др.

*Обладатель Гран-при литературного конкурса
МВД России «Доброе слово» (2019).*

*Победитель Международного литературного конкурса
им. Плещеева (Кострома, 2021).*

Лауреат литературного конкурса «Честь имею» (Москва, 2022).

Главный редактор «Тамбовского альманаха».

*Секретарь Союза писателей России,
председатель правления Тамбовского отделения.*

В журнале «Север» публикуется впервые.

